

В закуской Линь Юй, хлопотавший у плиты, звонко чихнул. Хоу Сяохун, заметив это, тут же прыснула со смеху:

— Маленький босс, никак о вас кто-то тоскует?

Линь Юй шутливо дернул девчонку за длинную тугую косу, и Сяо Хун, заливисто хохоча, упорхнула в подсобку.

Проводив ее взглядом, Линь Юй посмотрел на свою ладонь и невольно замер, словно опомнившись. В свои прежние сорок лет он ни за что не позволил бы себе подобного ребячества. Однако сейчас, вернувшись в девятнадцатилетнее тело, он чувствовал, как вслед за физической молодостью оживает и его израненная душа.

Возможно, дело было в том, что теперь он вновь владел всем, что когда-то потерял. А может, привычные улочки и родные лица постепенно отогревали и залечивали его некогда иссохшее, разбитое сердце.

Он твердо пообещал себе: тяжелое, полное боли прошлое не станет для него обузой. Отныне оно — лишь верный ориентир на новом пути.

Возвращаясь после полудня в закусочную, Линь Юй заглянул в мясную лавку и выбрал отменный кусок свиной грудинки — добрых два с половиной цзиня. Слои сала и мяса чередовались так ровно, словно их вымеряли по линейке.

Тщательно промыв и обсушив мясо, Линь Юй нарезал его крупными кубиками — величиной с костяшки для маджонга — и аккуратно уложил в глиняный горшок. Масла добавлять не стал: грудинка томилась на слабом огне, медленно исходя собственным сочным жиром. Стоило свинине подернуться аппетитной золотистой корочкой, как он бросил в горшок колотый леденцовый сахар. Линь Юй непрерывно помешивал мясо, пока сахар не растопился, обволакивая каждый кусочек глянцевой янтарно-красной глазурью. Следом в ход пошли пряный бадьян, ароматные специи, тонкие ломтики имбиря, чтобы убрать резкий запах, и щедрая струйка кулинарного вина. По кухне мгновенно поплыл умопомрачительный аромат. Добавив для цвета и глубины вкуса темного и светлого соевого соуса, Линь Юй залил мясо крутым кипятком и оставил томиться на самом медленном огне.

Запах стоял такой, что у бегавшей неподалеку Сяо Хун так и текли слюнки.

Мясо в те времена оставалось роскошью — простые семьи лакомились свининой от силы пару раз в месяц, а при тушении овощей обходились ложкой свиного сала. И хотя Сяо Хун привыкла общаться с молодым хозяином без лишних церемоний, сейчас у нее просто язык не поворачивался спросить, для кого томится это великолепие и перепадет ли ей хоть кусочек.

Редкие посетители, заглядывавшие перекусить, едва переступив порог, шумно втягивали носом воздух и весело кричали:

— Хозяин, чего это у тебя там так пахнет? Не иначе сам втихомолку деликатесы уминаешь!

Линь Юй выглядывал из кухонной двери с улыбкой:

— Хуншаожоу тушу. Для себя стараюсь, так что не обессудьте, не продается.

— У-у, единоличник! — в шутку возмущались гости. — Гости с деньгами пришли, а он нос воротит!

— Правда, сегодня никак нельзя, дело у меня, — посмеивался Линь Юй. — Зато завтра обязательно приготовлю еще одну кастрюлю. Так что приходите пораньше, если хотите успеть!

Перед самым закрытием Линь Юй наконец снял горшок с плиты и разложил нежнейшее мясо. Получилось четыре порции: одна большая и три поменьше. Большую он переложил в глубокую фарфоровую пиалу и тщательно укутал в несколько полиэтиленовых пакетов, чтобы сохранить тепло. Остальные три порции тоже распределил по мешочкам: одну отложил для дяди Суня, другую — для Сяо Хун, а последнюю решил забрать домой, чтобы сдобрить лапшу для маленького Сяочуаньэра.

Для его помощников это стало полной неожиданностью — оба были уверены, что хозяин готовил исключительно для себя. Пожилой дядя Сунь давно охладел к изыскам еды, а вот юная Сяо Хун, исходившая слюной весь вечер, уже мысленно оплакала свою горькую долю, так и не дождавшись за ужином заветного кусочка. И надо же — перед уходом домой хозяин сам протянул ей заветный узелок!

— Тут немного, — Линь Юй мягко впихнул им в руки пакеты. — Возьмите, пусть домашние оценят мою стряпню.

Сяо Хун прижала драгоценный сверток к груди, даже не думая отказываться, а дядя Сунь решил не обижать молодого хозяина пренебрежением к его щедрости. Тепло поблагодарив его, они разошлись по домам, унося с собой исходящие паром гостинцы.

Заперев двери на замок, Линь Юй посадил Сяочуаньэра на спину и зашагал к автобусной остановке. Маршрут предстоял неблизкий: сначала на первом автобусе до Большого рынка, а там пересесть на двойку, идущую до самого Дакуана — района старого рудника, где обосновалась его старшая тетя.

Много лет назад здесь шумел золотой прииск. В пору его расцвета все уважительно звали это место просто Большим рудником — Дакуаном. Вокруг шахты быстро вырос рабочий поселок, заселенный золотоискателями. Однако запасы драгоценного металла оказались скудными, и всего за несколько лет старатели вычерпали жилу до дна. Золотая лихорадка утихла, но привыкшие к здешним местам люди разъезжаться не стали. Постепенно прииск превратился в обычный жилой район, но старое название прочно приросло к нему, став привычным именем для всей округи.

Дом старшей тети ютился на самом верху крутого холма. Дорога туда вела узкая и разбитая, вся в рытвинах и канавках, вымытых грязной водой, которую местные хозяйки без зазрения совести выплескивали прямо на улицу после мытья овощей. Поднимаясь в темноте, Линь Юй оступился и чуть было не полетел кувырком. Сидевший на его спине Сяочуаньэр испуганно вцепился в воротник куртки, крепче обхватив брата худенькими ножками за ребра, и принялся торопливо гладить его по голове, приговаривая детскую поговорку-оберег:

— Поглажу по макушке — испуг на опушке! — а потом ласково потеревил его за мочку: — Потрогаю за ушко — страх уйдет под подушку!

Линь Юй стало щекотно. Он негромко рассмеялся, поудобнее перехватил братишку и поддразнил:

— Ох, и чей же это вредный малец так отъелся? Еле ташу!

Сяочуаньэр ласково потерся лобиком о его щеку и заворковал:

— Твой, конечно! Чей же еще!

Так они и поднялись на холм, весело перешептываясь. Опустив брата на землю, Линь Юй заботливо оправил на нем задрвшуюся детскую курточку и лишь тогда выпрямился перед тяжелыми воротами из темно-красного железа.

Кулак гулко опустилсЯ на металл: тук-тук, тук-тук.

— Кого там принесло в такую темень? — посмеивалось из глубины двора шлепанье стоптанных калош. Лучезарный сноп карманного фонарика полоснул по щелям ворот.

Узнав резкий голос старшей тети, Линь Юй благоразумно промолчал, опасаясь, что та попросту не отопрет. Лишь когда тяжелая створка со скрипом приоткрылась и показалось недовольное лицо женщины, он придержал дверь ладонью и негромко произнес:

— Старшая тетя, мы пришли навестить лаолао.

Линь Сяохуэй тут же ткнула лучом фонаря прямо ему в лицо. Ослепленный ярким светом, Линь Юй зажмурился и отвернулся.

— Надо же, какие гости! — ядовито усмехнулась тетка, опуская фонарик. — А я-то гадаю, кто там ломится? Оказывается, наш драгоценный племянничек, «самый пробивной» парень во всем семействе Линь! — Насмешка в ее голосе так и брызгала ядом. — Ума-то кот наплакал, зато ушлый какой оказался — залез к старухе в доверие, выгреб у нее последние гроши, что она на черный день берегла! И как только у вас, оборванцев, совесть не ворочается на эти деньги сладко спать? Душа-то не болит, а? Не боитесь, что боком выйдет?

Говорила она визгливо и так громко, что дремавший в соседнем дворе пес мгновенно вскочил

на лапы и зашелся яростным лаем. Его подхватил второй, третий, и уже через минуту вся округа — от породистых цепных собак до бродячих дворняг — огласилась невообразимым гвалтом.

Губы Линь Сяохуэй продолжали злобно шевелиться, но из-за поднявшегося лая разобрать слова было решительно невозможно. Пользуясь заминкой, Линь Юй преспокойно наклонился и скорчил забавную рожицу братишке, который во все глаза наблюдал за перепалкой. Тетку от такой наглости едва кондрашка нехватила. Багровея от злости, она вцепилась в ручку ворот, пытаясь с силой захлопнуть створку перед их носом. Однако Линь Юй ожидал этого приема — он уперся ладонью в железо, и тяжелая дверь даже не шелохнулась.

Линь Сяохуэй уже набрала в грудь воздуха, собираясь разразиться отборной бранью, как вдруг во двор, шаркая матерчатыми туфлями- «цзефанками», вышел ее муж Ли Гуанмин. Накинув на плечи строгий френч, он ухватил жену за плечо и бесцеремонно задвинул ее себе за спину:

— Ополоумела совсем? Позорище на всю улицу устраивать! Марш в дом!

В последние годы Ли Гуанмин получил небольшое повышение в школе. Жалованье его заметно выросло, а вместе с ним — и покладистость жены. Напоследок испепелив Линь Юя яростным взглядом, Линь Сяохуэй высокомерно вздернула подбородок и скрылась в доме.

Вокруг наконец воцарилась относительная тишина, умолкли и собаки. Ли Гуанмин окинул братьев мягким взглядом и примирительно улыбнулся:

— В дом звать не стану, сами понимаете — крику от этой бабы не оберешься. Пойдите здесь, я сейчас маму выведу, поговорите по-семейному.

— Спасибо, старший дядя, — вежливо отозвался Линь Юй, растягивая губы в ответной полуулыбке.

Но провожая взглядом его удаляющуюся спину, он с мрачной иронией подумал:

«Каким же редким лицемерием нужно обладать, чтобы эта дрянь умудрялась выглядеть столь добропорядочным человеком?»

Спустя минуту из дверей, тяжело опираясь на трость, показалась сгорбленная фигура лаолао. Линь Юй поспешно шагнул во двор и бережно подхватил старушку под локоть.

— Ничего, сынок, ничего... — тихонько зашептала она, семена к выходу. — Давай за воротами поговорим, так спокойнее будет.

Прикрыв за собой тяжелую железную створку, Линь Юй вывел бабушку на тускло освещенную улицу. Увидев притаившегося внизу Сяочуаньэра, старушка всплеснула руками и со слезами на глазах опустилась перед ним на колени, прижимая малыша к груди:

— Ох, сокровище мое маленькое! Сяочуаньэр, сиротинушка ты моя бедная... Как же давно бабушка тебя не видела, исхудал-то как! — приговаривала она, усыпая поцелуями его пухлый лобик и покрасневшие щеки.

Сяочуаньэр послушно замер, обняв лаолао своими крохотными ручонками за шею, и тихонько пролепетал:

— И я по тебе скучал, лаолао. Сильно-сильно скучал.

Нацеловавшись с младшим, старушка кое-как поднялась на ноги и крепко ухватила Линь Юя за локоть, прижимаясь лбом к его плечу:

— Шиэр... Мальчик мой золотой, исстрадался весь...

Линь Юй родился двенадцатого числа одиннадцатого лунного месяца, поэтому покойная мать с самого детства звала его «Шиэр» — Двенадцатым. Со временем это ласковое прозвище так и закрепилось за ним в семейном кругу. Теперь лишь лаолао да семья второй тети продолжали звать его этим родным, теплым именем.

Обняв сгорбленные плечи старушки, Линь Юй тихо спросил:

— Как вы себя чувствуете, лаолао? Голова больше не кружится? Давление не мучает?

— Все хорошо, сынок, все хорошо, — торопливо закивала лаолао. — Голова светлая, ем за троих. Вот только испереживалась вся по вам, душенька не на месте.

Грудь Линь Юя сдавило щемящей тоской. С тех пор как они в пух и прах разругались со старшей теткой, он обходил этот дом стороной. В прошлой жизни после того гнусного скандала, который Линь Сяохуэй устроила прямо в его закуской, их общение прекратилось вовсе. Тогда, ослепленный обидой, он поклялся никогда больше не переступать порог ее двора. Позже, когда гнев поутих, ему было неловко прийти первым, а когда он наконец нашел в себе силы перешагнуть через гордость, тетка облила его у ворот такой отборной грязью, что он просто ушел ни с чем.

В итоге после гибели Сяочуаньэра он почти не виделся со старушкой. Когда она тихо угасла, тетка даже не удосужилась сообщить ему о похоронах. Линь Юй узнал о кончине бабушки лишь спустя годы, когда сумел скопить денег и вернулся в родные края с твердым намерением забрать ее к себе в столицу.

Оглядываясь назад, он понимал: в прежней жизни у него в достатке было лишь денег, а все остальное превратилось в одну сплошную, незаживающую рану упущенных возможностей.

Тихо вздохнув, Линь Юй бережно извлек из рюкзака теплый сверток и протянул его лаолао обеими руками:

— Я тут хуншаожоу приготовил. Возьмите, бабушка, попробуйте мою стряпню.

Старушка попыталась вернуть сверток обратно:

— Ну что ты, оставь себе да Сяочуаньэру. Я старая уже, куда мне мясо тяжелое трескать... — Она пугливо оглянулась на полузакрытые ворота.

Заметив этот жест, Линь Юй мягко, но настойчиво прижал пакет к ее ладоням:

— Не переживайте, я много натушил, на всех хватит. Здесь целая миска, вам троим на ужин за глаза. А нам с братом дома еще целая кастрюля осталась.

Только тогда лаолао со вздохом приняла угощение. Линь Юй заботливо запахнул на ней потрепанный ватник и ласково похлопал по плечу:

— Возвращайтесь в тепло, лаолао, на улице студено. Нам с мелким тоже пора, завтра ему рано в школу вставать. Через пару дней мы снова забежим, а как только я немного разгребу дела в закуской, заберу вас к нам погостить на недельку-другую.

На бледном лице старушки расцвела робкая улыбка. Она еще раз крепко прижала к себе каждого из внуков и, прихрамывая, скрылась за тяжелой калиткой под их ласковыми взглядами.

На обратном пути утомленный Сяочуаньэр, устроившись на плече брата, тихонько прошептал:

— Гэ, вот бы лаолао жила вместе с нами.

— Обязательно, — отозвался Линь Юй, чьи мысли занимало то же самое. — Сначала сделаем тебе операцию, окрепнешь немного, и мы сразу заберем лаолао к себе. Будем жить втроем, дружно и счастливо.

Малыш радостно заерзал и звонко угукнул в ответ.

Братья строили светлые планы, даже не подозревая, до каких глубин низости и эгоизма может опуститься человеческая природа и какими жестокими и неблагодарными могут быть собственные дети.

Едва лаолао переступила порог дома, как старшая дочь обрушила на нее шквал яростных упреков. А ароматного хуншаожоу несчастной старушке так и не довелось попробовать — у нее отобрали все до последнего кусочка.

— Ах ты, старая карга! Все на сторону глядишь! — взвизгнула Линь Сяохуэй. — И чего притащилась? Какого лешего не укатила со своими ненаглядными внучатками? Думаешь, ты им сдалась на старости лет? Нужны мы им, как собаке пятая нога!

— Это еще что в руках? Батюшки, мясо! Хуншаожоу! Ну колись, сколько ты отвалила этому сопляку, раз он перед тобой так стелется? Колись, старая! Видать, припрятала еще заначку-то от родной дочери, а?! Где деньги держишь? Говори! Живо отвечай, кому говорят!

— Мясо она жрать собралась! Какого хрена тебе вообще мясо сдалось, неблагодарная тварь? Твое дело — пампушки кукурузные грызть да солеными огурцами давиться! Думаешь, заслужила такую роскошь?!

Забившись в свой темный угол, беззащитная старушка тихо плакала, пока в соседней комнате ее зять, Ли Гуанмин, вальяжно развалившись на кане, смотрел телевизор. Тем временем Линь Сяохуэй переложила мясо в буфет и демонстративно щелкнула навесным замком.

Вернувшись в спальню, она юркнула под теплое одеяло и заискивающе улыбнулась мужу:

— Завтра возьмишь с собой на работу обед, я тебе знатное блюдо положу.

Ли Гуанмин с раздражением пихнул ее ногой так, что женщина едва не скатилась с края кана:

— Ты язык-то прикуси немного! Хоть бы ради приличия потише орала. Не дай бог соседи услышат — позора потом не оберешься. Вице-директор Чэнь в следующем году идет на повышение, освободится его кресло, и у меня есть все шансы его занять. Не вздумай мне все испортить своими базарными криками! К тому же наш Ли Чжэн со дня на день университет оканчивает, вернется по распределению. Пора ему остепениться, жениться да внука мне родить. А с твоей вечной руганью ни одна приличная девка в наш дом войти не захочет!

Линь Сяохуэй ничуть не обиделась на грубость мужа. Она послушно примостилась рядом и, злобно прищурившись, уставилась в сторону каморки матери:

— Да ладно тебе переживать. Пусть только попробует кто вякнуть — я этой твари лично пасть порву!

Поздним вечером Линь Юй аккуратно развесил промокшие одежды спящего Сяочуаньэра поближе к теплему кану, чтобы они просохли к утру. Затем замесил тесто для завтрашних пампушек, накрыл глубоким тазом и вынес во двор. С каждым днем холодало все сильнее, и ночной воздух превращал улицу в отличный естественный ледник.

Улегшись под одеяло, он долго ворочался, безуспешно пытаясь уснуть.

Разговор с лаолао всколыхнул в его душе целую бурю давно забытых воспоминаний.

Когда дедушка ушел из жизни, вторая тетя сразу вызвалась забрать старушку к себе. Но пронырливая Линь Сяохуэй, испугавшись, что материнские сбережения уплывут в чужие руки, костыли легла, чтобы перевезти мать в свой дом. С тех пор ни семье второй тети, ни самому

Линь Юю не было туда нормального хода — каждый визит сопровождался косыми взглядами и неприкрытой злобой. И хотя старушка никогда не жаловалась, зная жадный и эгоистичный нрав старшей дочери и ее муженька, Линь Юй не питал иллюзий: жизнь бабушки в этом доме была далека от сказки.

Линь Юй тяжело вздохнул и перевернулся на другой бок. Закусочная «Хуэйминь» приносила неплохой доход, но этого было ничтожно мало для решения их главной проблемы. Крошечное заведение общепита не могло дать того резкого финансового скачка, который требовался прямо сейчас.

В любом бизнесе самым сложным всегда остается первый шаг — поиск возможностей и накопление стартового капитала. Обладая бесценными знаниями о будущем, Линь Юй видел десятки прибыльных ниш, способных в кратчайшие сроки принести миллионы, но без гроша за душой все эти грандиозные замыслы оставались лишь бесплотными фантазиями. К тому же каждую отложенную копейку следовало беречь как зеницу ока: через полгода Сяочуаньэру предстояла сложнейшая операция, и рисковать этими деньгами он не имел права.

Промучившись до глубокой ночи, Линь Юй принял решение: завтра же выкроить время и отправиться в районную администрацию. Настала пора вернуть права на ту самую гору, которую в его прошлой жизни арендовал «тот человек».

С этой мыслью он наконец закрыл глаза и погрузился в глубокий, безмятежный сон.

Тем временем на восточной окраине района Хунци, в единственной здесь государственной гостинице, комната на втором этаже сияла такой безупречной чистотой, словно в ней никто и не жил.

Мягкий свет настольной лампы выхватывал из полумрака силуэт высокого, сосредоточенного мужчины, склонившегося над ворохом бумаг. На полированной столешнице идеальными стопками лежали многочисленные графики и отчеты, присланные сегодня секретарем по факсу. Ни одной лишней бумажки, все строго по линейке.

Хань Дуншэн бегло просматривал таблицы, одновременно прижимая к уху телефонную трубку. Спиральный шнур аппарата мерно покачивался в такт его скупым движениям. По большей части Хань Дуншэн молча слушал далекого собеседника, лишь изредка подавая знак, что он на связи. Когда же поток слов на том конце провода иссяк, он произнес удивительно мягким, ровным голосом:

— Понял. Я найду время поговорить с ней лично.

Выслушав очередную реплику, мужчина нахмурился и отложил бумаги в сторону:

— Передайте ей мое окончательное решение: бросать учебу нельзя ни в коем случае. Если нужно, пусть оформит академический отпуск.

В трубке повисла тяжелая тишина. Спустя мгновение разговор сменил русло.

— Да, здесь все продвигается по плану. Максимум через полтора месяца запустим пробную линию.

— Хорошо. Не волнуйтесь, я все улажу.

— Здоровье? Жаловаться не на что, чувствую себя прекрасно.

— Ладно, мне пора заканчивать, — подытожил Хань Дуншэн. — Завтра с утра нужно быть в районной администрации, предстоят непростые переговоры о квотах на рабочие места для местных. Надо успеть подготовить документы. Доброй ночи, мама.

Верни трубку на рычаг, Хань Дуншэн поднялся со стула и подошел к окну.

Гостиница стояла на возвышенности, откуда весь район Хунци был виден как на ладони. Час был еще не поздний, но улицы уже погрузились в густой сумрак, обитатели скромных домишек давно спали, и лишь редкие, тусклые огоньки нарушали эту безмолвную темноту.

Здесь пейзаж разительно отличался от столичного величия. В воздухе отчетливо пахло соленым морем. Насколько хватало взгляда, повсюду теснились серые бетонные коробки и унылые строения из выцветшего красного кирпича — этот провинциальный уголок казался застрявшим в прошлом веке. Но именно в этой неустроенности таилась скрытая сила. Возвышающиеся на горизонте трубы новой промышленной зоны и непрерывный караван торговых судов в порту недвусмысленно давали понять: эта земля полна перспектив и ждет лишь того, кто сумеет направить ее дикую, нерастраченную энергию в нужное русло.

Последние пару лет Хань Дуншэн жил на два города, мотаясь между Пекином и Хунъяном. Его ежедневник лопался от бесконечных встреч, переговоров и бесконечной череды неотложных задач.

Порой наваливалась дикая усталость. Однако работа давно перестала быть для него обычным способом заработка. Она превратилась в долг, а для израненного сердца — пожалуй, и в единственное утешение.

Мужчина невольно прижал ладонь к животу: из-за суматошного дня он так и не успел нормально поесть, и теперь желудок отзывался резкой, противной болью. Вернувшись к столу, он достал из ящика пачку галет, съел пару штук, запивая простой минеральной водой, и вновь погрузился в изучение графиков.

На следующее утро в районную администрацию Хань Дуншэна вновь сопровождал директор

Ян.

Их связывала крепкая, проверенная годами дружба, несмотря на приличную разницу в возрасте. Познакомились они без малого десять лет назад в Пекине. В те годы Ян Гочжи пытался раскрутить в столице собственное производство, а молодой Хань Дуншэн только-только встал у руля Пищевой компании Тэньюэ. На этой почве они и пересеклись. Позже дело у Яна не выгорело, предприятие прогорело, и ему пришлось вернуться на родину, устроившись на местный насосный завод. Благодаря хватке и упорству он со временем выбился в директора.

Несмотря на то, что совместный бизнес быстро сошел на нет, мужчины сохранили теплые отношения. Все эти годы они не теряли связи, и всякий раз, бывая в Пекине по делам, Ян Гочжи непременно выкраивал вечер для дружеских посиделок со старым приятелем. Когда же Хань Дуншэн загорелся идеей построить завод в районе Хунци, старина Ян без лишних слов взял на себя львиную долю организационных хлопот, став его главным проводником в мире местных чиновников.

Ян Гочжи на первый взгляд казался человеком самым заурядным. Однако за этой простотой скрывались редкое добродушие, завидная житейская мудрость и железобетонная надежность. На него всегда можно было положиться в трудную минуту.

Планируемый запуск завода минеральной воды Тэньюэ подразумевал наем большого штата из числа местных жителей. Районные власти, разумеется, бдели за интересами земляков и намеревались жестко контролировать уровень заработных плат и социальный пакет. Опасаясь, что приезжему бизнесмену в одиночку будет трудно противостоять чиновничьему давлению, Ян Гочжи решил лично присутствовать на встрече.

Дорогой правил Ян Ли. Директор Ян лениво перебрасывался с ним малозначительными фразами, время от времени вовлекая в беседу Хань Дуншэна, который вежливо и конструктивно поддерживал разговор.

Немногословный по природе, Хань Дуншэн никогда не производил впечатления буки. Каждое его слово весило ровно столько, сколько нужно — точно, лаконично и всегда к месту. Это умение держать безупречную дистанцию и манеры уже успели снискать ему уважение среди партийного руководства района.

Автомобиль затормозил у парадных ворот администрации. Мужчины вышли из салона, а водитель отогнал машину чуть в сторону и остался ждать в кабине.

Пройдя половину просторного внутреннего двора, они заметили статного, на редкость красивого юношу, спускающегося по ступеням главного корпуса.

Ян Гочжи невольно замедлил шаг и удивленно хмыкнул. Толкнув локтем Хань Дуншэна, он покачал головой:

— Ну надо же... Хочешь верь, хочешь нет, старина Хань, а от судьбы точно не уйдешь!

<http://bllate.org/book/20105/1993548>